

Кудрявцева Татьяна Владимировна

Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2946>]

[Публикация работы:]

Кудрявцева Т.В. 2010: Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. II. Ярославль, 14-17.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Т.В. Кудрявцева
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде

В последние десятилетия в антиковедении много пишут и рассуждают о «других» (others, aliens) в пространстве греческого полиса, т.е. о тех, кто либо стоял вне полисной гражданской общины, либо пребывал на её обочине или в специальных резервациях, – метеках, рабах и, конечно, женщинах. Неоднократно специалисты (этнографы, антропологи, историки) сетовали на то, что изучаемые ими модели традиционных обществ, будучи «мужскими» по происхождению и сути, позволяют получить информацию о себе и описать свои доминантные структуры на «языке» мужчин; женщины – «немая группа», коммуникация с которой требует особых усилий¹. Я присоединю свои усилия к тем, кто пытается вывести на свет и побудить к диалогу женщину античного мира – в моём случае это афинская горожанка; меня интересует то, как осуществлялась её правоспособность в очень жестком варианте мужского общества – в обществе классического афинского полиса.

Нам едва ли удастся встретить нашу героиню на судебных подмостках – беме. Допустим, против неё был подан иск, или она сама, будучи потерпевшей, горит желанием призвать обидчика к ответу. Каким образом в данном случае происходила защита её прав? Женщина в Афинах, как известно, не могла отстаивать своё дело в суде. За неё это делал её опекун, *κύριος*. Если она не замужем, это её отец, в случае его смерти – брат, дед, дядя по отцу и т.д. У замужней афинянки опекуном являлся муж, в случае развода или вдовства она возвращалась под попечительство отца или других родственников-мужчин отцовского ойкоса. В качестве альтернативы последнему, если у вдовы были малолетние сыновья, она могла остаться в ойкосе мужа, под опекой того, кто назначен опекуном её сына; если же её дети совершеннолетние, её *κύριος* может стать взрослый сын².

¹ См., например: *Perceiving Women* / Ed. S. Ardener. L., 1972. P. 1-17; *Gould J. Law, Custom and Myth: Aspects of the Social Position of Women in Classical Athens* // *JHS*. 1980. Vol. 100. P. 38.

² *Harrison A.R.W. The Law of Athens*. Oxf., 1968. Vol. I. P. 39, 109-111.

Вполне вероятно, судьи-гелиасты, собравшиеся для вынесения вердикта по делу, касающемуся нашей горожанки, даже имени её не услышат. Мужчин называли по именам, а женщин идентифицировали по родственникам-мужчинам. Иногда личное имя женщины проskalзывало, но в подавляющем большинстве случаев её определяли как дочь, жену, сестру такого-то. Например, так: «Он [Апполлотор] составил завещание на случай, если что с ним случится, и завещал своё имущество дочери Архидамы, своей собственной сестре и моей матери, условившись о её замужестве с Лакратидом» (*Is.* VII. 9). Демосфен, ведя дело против недобросовестных своих опекунов – Афоба, Демофонта, Тереппида, склоняя их по-всякому, неоднократно в своих пяти «опекунских речах» поминал в качестве жертв их злокозненности также свою мать и сестру (он отстаивал и их интересы), но ни разу при этом не назвал их по имени. О тётке своей оратор говорит так: «сестра моей матери, дочь Гелона» (XXVIII. 3). Лисий пишет речь для Евфилета (I), убившего на «месте преступления» любовника своей жены Эратосфена. Оратор рассказывает обстоятельно о женитьбе и семейной жизни Евфилета, о том, как светский хлыщ Эратосфен соблазнил его наивную супругу, повествует в подробностях о завязке, развитии и трагическом финале этого романа, многократно упоминая жену-прелюбодейку, но ни разу не называя её по имени.

Большинство женских личных имен, встречающихся в судебных речах, относятся к следующим категориям: во-первых, это особы дурной репутации, *ἑταῖραι* и *παλλακαί* – соперницы законной жены; во-вторых, те, кто был связан с противником по процессу – т.е. слова доброго не стоили; наконец, усопшие³. Первых именовали по именам не только потому, что так повелось по отношению к такого сорта женщинам, но и потому, что, являясь часто чужеземками или вольноотпущенницами, прелестницы эти стояли вне афинской системы родственных связей. Ораторы в этих случаях вовсе пользовались представившейся возможностью называть по именам этих дам, видимо, компенсируя свою сдержанность по отношению к порядочным горожанкам. Так, в речи Аполлотора против Неэры не только заглавная героиня постоянно поминается (*Νέαῖρα αὐτῆς* – [Dem.] LIX. *passim*), оратор сообщает нам имя содержательницы борделя, в котором воспитывалась Неэра, – Никарета, имена семи товарок юной гетеры (19), хотя к делу большинство из них никакого отношения не имели; попутно мы узнаем также имена четырех служанок Неэры (120). В качестве примера того, как тяжущиеся не стеснялись называть и помянуть недобрым словом родственниц противников, можно привести издевки Демосфена над матерью Эсхина. В речи «О преступном посольстве» (343 г. до н.э.) Демосфен, насмехаясь над родителями противника, говорил, что отец Эсхина, Атромет, был школьным учителем, а его мать, Главкофея, – жрицей какого-то мистического культа (*Dem.* XIX. 281). Однако в более поздней речи – своем выступлении в защиту Ктесифонта («О венке» – 330 г.), он дал волю своему воображению, сочинив историю о распутнице, назвавшейся Главкофеей, хотя на самом деле её прозвище – Эмпуса. И Демосфен даёт довольно скабрёзное «объяснение» его этимологии: Эмпуса, как известно, – многоликое чудовище из окружения Гекаты, принимающее различные облики, дабы увлечь свои жертвы; так и мать Эсхина всяческими способами потворствовала своим клиентам (XVIII. 130-131). Что касается усопшей – слушатели могли запомнить её семейно-матримониальные связи и затрудниться с идентификацией по родственникам-мужчинам, вот и приходилось осквернять стены произнесением женского имени... Подсчитано, что в судебных речах Демосфенова корпуса называются имена 27 женщин, встречаются они только в 8 речах; 14 из этих 27 – в упомянутой уже речи Аполлотора против Неэры, из них 10 имен куртизанок и 4-х – рабынь Неэры. Для сравнения: в 33 речах корпуса упоминается 509 мужских имен⁴.

Приведем два примера, пожалуй, самых громких «женских» дел, которые за своих подруг вели мужчины – это процессы Аспасии и Неэры. Так как обвинялись не добропорядочные афинянки, законные супруги, а фактические конкубины, к тому же с подмоченной репутацией, то участники процесса не стеснялись называть обвиняемых по имени: в случае с Аспасией мы можем это только предполагать, ну а «та самая Неэра» не сходила с уст обвинителей Феомнеста и Аполлотора.

Плутарх сообщает, что комический поэт Гермипп обвинил возлюбленную Перикла в нечестии и сводничестве: «к ней ходят свободные женщины, которых она принимает для Перикла» (*Per.* 32. 1). Поводом для обвинения в сводничестве мог послужить тот нетипичный для

³ См.: *Shaps D.* The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names // *ClQu.* 1977. Vol. 27 (n. s.). P. 323-330.

⁴ *Gould J.* Op. cit. P. 45

афинянки свободный образ жизни, который вела Аспасия, встречавшая вместе с Периклом его гостей, участвовавшая на равных в беседах на самые разнообразные темы и т.п. (*Plat. Menex.* 235e, 249d; *Plut. Per.* 24). С нечестием (асебией) дело обстоит сложнее: Плутарх, как и Афиней (XIII. 589e – со слов Антисфена), ничего не говорит о сути обвинения. Обвинение в нечестии, возможно, мотивировалось законом, о котором мы знаем из речей ораторов IV в., запрещавшим женщинам, виновным в адюльтере, и проституткам посещать священные места и участвовать в публичных священных обрядах (*Dem.* LIX. 85-86, 113-114; *Is.* VI. 49-50). О голосовании в гелиэе по «делу Аспасии» Плутарх (ссылаясь на Эскина Сократика) сообщает, что только слезы, пролитые Периклом перед дикастами, спасли его неофициальную супругу от обвинительного приговора (*Per.* 32. 3).

Истец Феомнест обвинил Неэру в том, что она, в прошлом гетера, будучи чужестранкой (Неэра родом из Коринфа), живет со своим сожителем Стефаном как жена-афинянка, а её детей Стефан выдаёт за своих. (Существовал закон, требовавший продажи в рабство чужестранки, если она каким-то образом оказалась в супружестве с афинским гражданином.) Главная ударная сила – не сам истец, а его родственник и помощник (синегор) в процессе Аполлодор, который и произносит пышущую негодованием против пронырливой и порочной куртизанки речь – 59-ю из Демосфенова корпуса. На самом деле, метит Аполлодор не столько в ответчицу, сколько в её покровителя и защитника Стефана (собственно, как и обвинители Аспасии метили в Перикла). С сожителем Неэры у него свои личные и политические счета – Стефан несколько раз обвинял его в суде. Неэра преступна еще и потому, что она и её сожитель сосватали за афинянина Феогена Фано, которую Стефан выдавал за собственную дочь, а на самом деле, как уверяет обвинитель, она дочь Неэры от неизвестного отца и так же развратна, как и мать. Вину их усугубляет то, что этот Феоген был архонтом-басилеем, и Фано как его супруга исполняла священные обряды от имени полиса (*Dem.* LIX. 72-84). Оправданий и аргументов Стефана мы не услышим (скорей всего, он будет утверждать, что Фано и мальчики – его дети от некой неизвестной, но вполне законной афинской жены); конечно, как это вводится в афинской судебной риторике, Аполлодор многое извратил, приукрасил, измыслил, но, хотя вердикт дикастов по данному делу неизвестен, всё же создаётся такое впечатление, что Неэра эту схватку проиграет.

Итак, женщине в качестве истицы или ответчицы путь на судебные подмостки был заказан; не могла она оказаться в суде и в качестве такого важного участника тяжбы, как свидетель. Женщины, подобно несовершеннолетним, к даче показаний не допускались. Если не считать, конечно, курьезных случаев, вроде описанного в речи Исократа «Против Каллимаха», когда свидетельством явилось само появление женщины во плоти перед дикастами. Оратор рассказывает, как во время потасовки между зятем Каллимаха и неким Кратиним досталось одной рабыне. Женщину спрятали и заявили, что Кратин убил её. На суде этот «факт» подтвердило 14 свидетелей со стороны обвинения. Однако Кратину удалось разыскать спрятанную «покойницу» и прямо во время заседания он предъявил её дикастам целую и невредимую, к полному посрамлению обвинителя (*Isocr.* XVIII. 52-54). Из судебных речей нам известно, что женщина в исключительных случаях могла дать показания под клятвой (*Dem.* XXXIX. 3-4; LV. 27), что и было фактически завуалированным свидетельством. Подобная дискриминация женщины, т.е. недопущение её в качестве полноценного свидетеля, объяснялась не тем, что ей не верили «по определению», но тем, что женщину, как и раба, нельзя было привлечь к суду за лжесвидетельство; кроме того, афинянке, судя по всему, было «социально неприлично» появляться в суде в любом качестве⁵.

И все-таки женщина изредка появлялась в суде или около него, оказывая своим присутствием важное психологическое воздействие на дикастов. Её роль в данном контексте – смиренная просительница. В афинской судебной практике принято было взывать к судейской жалости, приводя в суд рыдающих и умоляющих друзей, родственников и детей. «Группа поддержки» и «плакальщики», родственники и друзья – в основном мужского пола; об умоляющих женщинах говорится гораздо реже, что очевидно связано с намеренной удаленностью женщины от сферы публичного. Однако, в речи Демосфена против Аристогитона упоминается о несчастных «старухах-матерях», молящих о жалости к обвиняемому (XXV. 84). Когда Филоклеон – герой аристофановских «Ос», записной присяжный, страдающий особой манией – он днем и ночью рвется в суд, описывает среди прочих удовольствий судейской деятельности, как по дороге и пред входом в суд просители развлекают, упрашивают, ублажают судей, он среди детишек (τα παῖδια), которых для большей жалостливости приводят ответчики, упоминает и девочек (τὰς θηλείας – *Aris-*

⁵ MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. L., 1978. P. 243.

toph. Vesp. 568-9). В недошедшей до нас комедии Посидиппа «Эфесянки» (начало III в. до н.э.) небезызвестная гетера Фрина добивается своего оправдания, рыдая и хватая за руку каждого судью (*Athen.* XIII. 591e-f). С прелестной Фриной связан еще один рассказ о психологической атаке на судебские эмоции. В биографии Гиперида из «Жизнеописания десяти ораторов» Псевдо-Плутарха сказано, что знаменитый оратор выиграл процесс своей возлюбленной, привлеченной к суду за святотатство, с помощью следующей уловки: он вывел её на середину, порвал её одежду, обнажив грудь, и когда судьи воочию убедились, как неотразимо прекрасна Фрина, они помиловали её (Мог., 849е). Оратор одной из речей Демосфенова корпуса (предположительно Аполлодор) утверждает, что отстаивающие свои права на имущество стараются раздобыть сирот, или дочерей-наследниц, или нуждающихся в пропитании и заботе престарелых матерей, чтобы привести их в суд, пробудить в судьях сострадание и выиграть дело (*Dem.* LIII. 29). Таким образом, можно сделать вывод, что умоляющие и взывающие к жалости афинянки всех возрастов являлись статистами судебных поединков, пусть и молчаливыми (если не считать рыданий), но одновременно красноречивыми своим жалобным видом и скорбью.

Хотя женщина и не допускалась на бему, в её распоряжении оставалось достаточно средств повлиять на ход процесса, – она могла, например, настроить соответствующим образом своего благоверного, взрослых сыновей или других мужчин её дома, ведущих тяжбу в её или в своих собственных интересах, пробуждая и поддерживая их боевой дух – об этой её значимой закулисной роли говорит факт упоминания женских имен на табличках с судебными проклятиями. На одном из таких изделий черной афинской судебной магии выцарапано: «Я связываю Феагена – язык, душу и речь, которую он делает» (DT, 49). Далее перечисляются прочие участники процесса, друзья и помощники противника по тяжбе, его свидетели; среди прочих упоминается мясник (как, очевидно, и Феаген) Пиррий и его жена. Обращает на себя внимание, что у супруги Пиррия связывается только душа и язык, о речи не упоминается – афинянки, как уже говорилось, не могли свидетельствовать или выступать в суде, но, видимо, могли вдохновлять и наставлять своих супругов, поэтому насылающий порчу не забыл на всякий случай упомянуть и жену одного из своих противников. В другой табличке (DTA. 106) также упоминается женщина в качестве объекта судебного проклятия: взывающий именем Гермеса и Гекаты связывает Аспасию и Сократа (её супруга?) и их помощников. На третьей упомянута «ἡ Σατίρας μήτηρ Θεωδώρα» (DTA. 39); еще на одной проклинается Галина – «та, что Ференика» (DTA. 107; Ференик – главный фигурант проклятия). В двух афинских табличках неназванные по именам «женщины» проклинаются вместе с «мужами» (καὶ ἄνδρας καὶ γυναῖκας – DT. 61 SGDT. 42).

Знаменитая гнома Никия, точнее – Фукидида, гласит: ἄνδρες γὰρ πόλις (*Thuc.* VII. 77. 7), что означает буквально «город – это мужи», и так оно и было. Афинская гражданская община, афинский полис – это мужчины, но мы видим, как загоняемые в тень, укрываемые в домах, изгоняемые из языка женщины доносят до нас свой голос, пусть иногда трудноразличимый, и умудряются пробираться даже туда, куда вход им был категорически заказан, например, на судебные подмостки, хотя в подавляющем большинстве случаев мы можем говорить лишь о виртуальном присутствии на них афинской горожанки.

В.А. Квашнин
(г. Вологда, Россия)

Городские и догородские традиции в Раннем Риме в отражении X таблицы законов XII таблиц

В исторических и правовых исследованиях XIX-XX вв. самое пристальное внимание вызвали положения X таблицы, содержавшей нормы, регламентировавшие погребальные обряды. Античная традиция сообщает о существовании целого комплекса мер ограничительного характера при погребениях – оговаривалось количество одежды, плакальщиц, флейтисток, употребление вина и благовоний, запрещалось захоронение вместе с умершим изделий из золота¹. Еще Б. Нибур интерпретировал нормы X таблицы как попытку ограничения чрезмерных

¹ *Cic. De leg.* II. 23. 59: Extenuato igitur sumptu tribus reciniis et tunica purpurea et decem tibicinibus tollit etiam lamentationem (Ограничив расходы [на погребение] тремя саванами, одной пурпурной туникой и десятью флейтистами, закон запретил также и оплакивание умерших. Здесь и далее пер. В.О. Горен-